

Тема №9. Сексуальная культура человека: понятие и структура.

1. Сексуальная культура: понятие и компоненты. Сексуальная культура в России.
2. Сексуальный и гендерный символизм.
3. Сексуальные обряды и обычаи.
4. Сексуальные культуры и нормы сексуального поведения.

1. Сексуальная культура: понятие и компоненты. Сексуальная культура в России

Сексуальность не существует вне конкретной культуры, а культура, в свою очередь, не возможна без сексуально-эротических компонентов.

Сексуальная культура, с точки зрения повседневной жизни и медико-гигиенической литературы, сумма знаний, навыков и умений, позволяющих человеку наиболее успешно и безопасно достигать своих сексуальных целей. Человек, не знающий анатомии и физиологии репродуктивной системы, не владеющий собственным телом, не умеющий пользоваться контрацепцией, имеющий ограниченный репертуар сексуальных позиций и т.п., сексуально не образован и у него гораздо меньше шансов реализовать свои запросы, чем у того, кто такими знаниями обладает и умеет их применить.

Сексуальная культура, с точки зрения общественных наук, имеет другое, неочевидное значение, согласно которому вариативные возможности данного явления, с одной стороны, ограничены биологической природой человека, а с другой – внутренней последовательностью и логикой культуры как целого.

Компоненты сексуальной культуры.

1. *Сексуальный символизм* – знаки и символы, в которых осмысливается сексуальность, включая представления о природе половых различий, любви, деторождении, сущности полового акта и т.п.
2. *Установки и ценностные ориентации* – феномены, в свете которых люди воспринимают, оценивают и конструируют сексуальное поведение.
3. *Социальные институты*, в рамках которых протекает и которыми регулируется сексуальная жизнь, например, формы брака и семьи.
4. *Нормативные запреты и предписания*, регулирующие сексуальное поведение.
5. *Обряды и обычаи*, посредством которых оформляются соответствующие действия (брачные обряды, инициации, оргиастические праздники).
6. *Структура и формы (паттерны)* типичных сексуальных практик, отношений и действий.

В России традиционная сексуальная культура всегда отличалась крайней противоречивостью как на бытовом, так и на символическом уровне. Так, откровенный крестьянский натурализм, не знающий закрытости и интимности, соседствует с суровым православным аскетизмом. Более того, отношение к сексуальности и эротике в России всегда было политизировано и поляризовано, а реальные проблемы частной жизни при этом нередко терялись. Тем не менее в России 19-начала XX веков происходили принципиально те же процессы, что и в Европе, и обсуждались они в том же интеллектуальном ключе. *Особенно важную роль в развитии русской сексуальной культуры сыграл Серебряный век.*

Мы плохо знаем русскую сексуально-эротическую культуру не потому, что её не было, а потому что цензура не позволяла публиковать соответствующие источники, например, составленный В. Далем сборник «Русские заветные пословицы и поговорки» и знаменитый сборник «Русские заветные сказки» А.Н. Афанасьева.

Судя по историко-этнографическим данным, отношение к сексуальности в Древней Руси было таким же противоречивым, как и в Западной Европе. Древнеславянское язычество не отличалось ни особым целомудрием, но особой вольностью нравов. Сексуальность была космическим принципом: мать сыра земля оплодотворялась небесным дождем. Наряду с женскими божествами плодородия существовал и фаллический бог – Род. Во время многочисленных оргиастических праздников мужчины и женщины сообща купались голыми, мужчины символически оплодотворяли землю, женщины вызывали дождь и т.п.

Православие, как и вообще христианство, считает секс порождением дьявола. Сексуальное желание, похоть обычно изображались в женском облике.

Целомудрие, девственность, отказ от половых сношений почитались «святым делом», отступления от этого принципа признавались законными только в браке («В своей бо жене нет греха») и «чадородия ради», а не «слабости ради». Половое воздержание было обязательным по всем воскресеньям, праздникам, пятницам и субботам, а также во все постные дни. Церковь стремилась поставить под свой контроль

не только поведение людей, но и их помыслы. Основное внимание уделялось защите института брака. «прелюбодеяние» считалось гораздо более серьезным прегрешением, недели «блуд». Сексуальные грехи занимали важное место в исповеди.

Однако ограничения эти касались в основном «официального» поведения, реальные бытовые отношения сильно отличались от предписанных. В глубинах народной культуры всегда существовали мощные пласты эротического. В XVII веке немецкий путешественник Адам Олеарий свидетельствовал, что русские часто «говорят о сладострастии, постыдных пороках, разврате и любодеянии их самих или других лиц, рассказывают всякого рода срамные сказки, и тот, кто наиболее сквернословит, отпускает самые неприличные шутки, сопровождая их непристойными телодвижениями, тот и считается у них лучшим и приятнейшим в обществе».

В целом, реальный быт и нравы дореволюционного российского общества были довольно противоречивы и не совсем одинаковы в разных районах. При этом зачастую все это не было чем-то исключительно российским, нечто подобное тогда же или немного раньше происходило и на Западе, но с одной существенной оговоркой. На Западе у эротического был один противник – консервативные круги и, прежде всего, церковь. В России этот противник был особенно силен, опираясь не только на собственный авторитет религии, но и на государственную власть.

Эстетически сложное эротическое искусство возникает в России только в эпоху Серебряного века – стихи А. Апухтина, К. Бальмонта, В. Брюсова, Н. Минского, Мирры Лохвицкой, роман «Санин» М. Арцыбашева, «Навыи чары» и «Мелкий бес» Ф. Сологуба. В произведении М. Кузмина («Крылья») и Лидии Зиновьевой-Аннибал впервые в русской художественной литературе изображается однополая любовь. Все эти произведения вызвали яркую полемику. В защиту эротической темы в литературе выступили Д. Мережковский и М. Тригорин. В то же время, Л.Н. Толстой, сам натерпевшийся обвинений в безнравственности по поводу «Анны Карениной» и «Крейцеровой сонаты», решительно не принял роман «Яма» А.И. Куприна, описывающий мир публичного дома. Споры и природе любви и сексуальности захватывают и философию. Если В. Соловьев в статье «Смысл любви» (1892) связывает любовь-эрос не с родом, а с личностью, утверждая, что она не имеет ничего общего с инстинктом продолжения рода, то В. Розанов поэтизирует и защищает именно плотскую любовь.

Октябрьская революция прервала это поступательное развитие сексуальной культуры. Большевицкая партия видела в этой неуправляемой сексуальности угрозу своей идеологии тотального контроля над личностью.

За враждебностью к сексу стояла не только идеология. Столкнувшись в 1920-ых гг. со сложными социально-демографическими и социально-медицинскими проблемами (дезорганизация брачно-семейных отношений, рост числа нежелательных беременностей и аборт, распространение проституции и ЗППП и др.) и не сумев разрешить их какими-либо другими путями, Советская власть в 1930-ых гг. обратилась к репрессивным, командно-административным методам:

- установление уголовного наказания за мужеложество (1933);
- запрещение коммерческой эротики;
- ограничение свободы развода;
- запрещение искусственных абортов (1936) и т.д.

Идеологическим оправданием этой политики была уникальная *большевицкая сексофобия* («у нас секса нет»), с резкой выраженной антибуржуазной и антизападной направленностью. С помощью репрессивных мер вся сексуально-эротическая культура – эротическое искусство, научные исследования и какое-бы то ни было сексуальное просвещение – в СССР балы под запретом. Люди черпали знания из рассказов старших, личного опыта, классической литературы (например, Мопассан). Так продолжалось вплоть до 1960-ых гг.

Большевицкая сексофобия была не просто реакцией на социально-нравственные издержки послереволюционной дезорганизации брачно-семейных отношений, а одним из аспектов тотального контроля и подавления личности. Если человек, прежде всего, производительная сила, то он обязан в рабочее время производить материальные блага, а в семье – детей. Все остальное – от лукавого и подлежит уничтожению. Хотя эта жестокая идеология тотального контроля драпировалась в моральные одежды, фактически она порождала лишь цинизм и лицемерие. Официально провозглашенные цели этой политики – укрепление семьи и нравственности и повышение рождаемости, разумеется, не были достигнуты. Вместо повышения рождаемости страна получила рост числа подпольных абортов, а как только аборты были легализованы (1955) – заняла по этому показателю первое место в мире.

Уже в начале 1960-ых гг., как только Советский режим ослабел, сексуальный дискурс стал возрождаться. При этом выяснилось, что, несмотря на все репрессии и социальную изолированность от Запада, *главные тенденции динамики сексуального поведения в СССР были те же, что и там*, - снижение возраста сексуального дебюта, эмансипация сексуальной мотивации от матримониальной, рост числа разводов, добрачных и внебрачных зачатий и рождений, повышение интереса к эротике, ресексуализация женщин и др. В том же направлении эволюционировали и сексуальные ценности россиян, причем эти сдвиги начались не в эпоху перестройки, а уже в 1960-ые и особенно в 1970-ые гг. Молодежь 1990-ых гг. только продолжила этот процесс.

Крушение советского режима принесло людям желанное освобождение. Но так же, как в экономике и политике, «сексуальное освобождение» обернулось криминальным беспределом. **Главными тенденциями развития массовой сексуальной культуры в постсоветской России стали:** вульгаризация – сведение сложных любовно-эротических чувств и переживаний к примитивной и стандартной сексуальной технике; коммерциализация и вестернизация. Как реакция на все это, у представителей старших возрастов и консервативно настроенных людей возникает стремление вернуться назад, к идеализированному «целомудренному» прошлому.

Сдвиги в сексуальном поведении молодежи, сопровождающиеся значительными социальными издержками, застали российское общество и государство врасплох. Глобальные демографические процессы, такие, как снижение рождаемости, органически переплетаются с социально-экономическим упадком, дезинтеграцией России, разрушением общественного здравоохранения и общей криминализацией страны.

Как показывают историко-социологические исследования, долгосрочные тенденции сексуального поведения россиян уже в 1960-1970-ых гг. были принципиально теми же, что и странах Запада, и имели те же самые глубинные причины. *Отличие России от стран Запада заключается не в направлении развития, а в его хронологических рамках и в степени осознания обществом происходящих перемен.*

По данным российско-финского исследования 1996 г., сексуальное поведение и ценности петербуржцев середины 1990-ых гг. напоминают те, которые существовали в Финляндии в начале 1970-ых гг, когда там был достигнут пик сексуальной терпимости.

Другие отличия России от стран Запада касаются уровня осознанности происходящих процессов. В странах Запада сдвигам в сексуальном поведении обычно предшествовали сдвиги в социальных установках, которые выражались и обсуждались публично. В России цензурные запреты ранее и отсутствие профессионального дискурса в настоящее время препятствуют осознанию этих сдвигов, которые из-за этого кажутся неожиданными и катастрофическими, а порой и в самом деле становятся таковыми.

Основные сдвиги в сексуальном поведении в России.

1. *Быстрое снижение возраста сексуального дебюта.* Среди ленинградских/петербургских студентов, имевших сексуальный опыт, в 1965 году моложе 16-ти лет начали сексуальную жизнь 5,3%, в 1972 г. – 8,2%, а в 1995 г. – 12,2% (С.И. Голод, 1996). Доля молодых людей, осуществивших сексуальный дебют между 16-ью и 18-ью годами, выросла за эти годы с 33% до 52,8%. Снижение возраста сексуального дебюта убедительно демонстрирует московский опрос ВЦИОМ (март 2002). В младшей возрастной группе (от 20 до 30 лет) средний возраст этого события составил 16,6 лет, а в старшей (от 31 до 45 лет) – 17,8 лет. Более конкретно: среди 20-30-ти летних до 18 лет начали половую жизнь 62%, старше 18 лет – 28%. Среди 31-45-ти летних до 18 лет – 34%, старше 18-ти лет – 53%. Само собой разумеется, что все эти связи являются добрачными. Средний возраст вступления в брак в России в 1996 году составлял для женщин – 22,2 лет, а для мужчин – 24,4 года.

Сами по себе эти цифры не являются сенсационными, аналогичная ситуация выявляется в Великобритании, Польше, некоторых штатах США. Однако в России эти сдвиги происходят в крайне неблагоприятной социально-экономической обстановке и на фоне низкого уровня сексуальной культуры, включая отсутствие систематического сексуального образования детей и молодежи.

2. *Изменения в общественном сознании.* Вопреки утверждениям об извечном исключительном целомудрии российских женщин и в полном соответствии с историческими данными отношение россиян к добрачному и внебрачному сексу весьма либерально.

При сравнении сексуальных установок населения 24 стран россияне (1998 человек, 64% - женщины, средний возраст – 41 год) опередили всех остальных по готовности принять и оправдать внебрачные связи; их категорически осудили только 36% опрошенных, а 17% признали допустимыми при всех условиях.

Сравнив две сходные выборки молодых специалистов, по 250 человек в каждой, с интервалом в 20 лет (1969 и 1989), С.И. Голод отмечает не только рост терпимости к внебрачным связям, но и увеличение их количества. Доля женщин, признавших, что они имели внебрачные связи, выросла с одной трети в 1969 году до половины в 1989 году. Те же тенденции у мужчин: в 1969 году наличие внебрачных связей признали меньше половины, а в 1989 – свыше трех четвертей женатых мужчин. Среди опрошенных в 1999 году финнов, эстонцев и петербуржцев временную супружескую неверность сочли допустимой 51% питерских мужчин по сравнению с 20% финнов и эстонцев; наличие реальных «параллельных связей» признали почти половина женатых питерцев и только треть финнов и эстонцев.

О прагматизме россиян свидетельствуют и ответы американских, японских и русских студентов на вопрос «Согласились бы вы выступить в брак с человеком, в которого вы не влюблены, если он обладает всеми остальными желаемыми вами качествами?». Авторы ожидали, что непременно требовать любви будут только индивидуалистически воспитанные американцы, а русские и японцы будут более практичными. Но оказалось, что для японцев любовь почти также важна, как и для американцев, мало кто из них готов вступить в брак без любви. Российские мужчины оказались слегка более прагматичными, чем остальные; жениться без любви готовы 30% опрошенных. Зато наши женщины приподнесли сюрприз: выйти замуж без любви готовы 41% опрошенных.

3. *Рост терпимости к добрачным связям.* Несмотря на нетерпимость официальной советской морали, молодежное общественное мнение уже в 1960-ые гг. относилось к ним равнодушно. Из 500 ленинградских студентов, опрошенных С.И. Голодом в 1965 году, добрачные связи признали допустимыми 45%, недопустимыми – 22%, неопределенную позицию заняли 33% опрошенных. В марте 2002 года на вопрос «Как вы считаете, это нормально, заниматься сексом до вступления в брак?» утвердительно ответили 83% опрошенных москвичей. Впрочем, мужчинам это «позволяют» значительно охотнее, чем женщинам. На вопрос «Хотели бы вы, чтобы ваш сексуальный партнер имел сексуальный опыт до брака?» 71% девушек ответили положительно, а 60% юношей – отрицательно.

Каковы бы ни были публично высказываемые суждения, добрачные связи в России массовы. В подавляющем большинстве случаев брачный союз не предшествует сексуальной близости, а закрепляет её, причем с каждым новым поколением это считается все более нормальным и допустимым.

Об этом же свидетельствует и большой процент добрачных зачатий. По данным национальной микропереписи 1995 года, от даты регистрации брака до рождения первого ребёнка в России в среднем проходит около 6 месяцев. В 1995 году в Москве доля рождений, стимулировавших брак, составила 34%, а в младших возрастах (15-19 лет) – до 50%, в 5 раз выше, чем у женщин, вступивших в брак после 27 лет.

Сравнительное исследование американских, российских и японских студентов показало, что хотя в целом американские студенты относятся к добрачному сексу терпимее российских и японских, российские студенты значительно опередили американцев и японцев по своей готовности вступить в сексуальную связь на первом же свидании. Если американцы и японцы допускают для себя возможность сексуального сближения на более поздних стадиях ухаживания и знакомства, то многие молодые россияне, как мужчины, так и женщины, готовы лечь в постель чуть ли не с первым встречным.

Долгосрочные тенденции брачно-семейных отношений и рождаемости в России аналогичны западным. Абсолютное число разводов в России с 1959 года по 1995 год неуклонно росло. В 1996 году оно несколько снизилось, но одновременно уменьшилось и число браков. В 1990 году на 100 браков приходилось 42 развода, а в 1996 году их стало 65. Снижение рождаемости, начавшееся еще в советский период, также соответствует долгосрочным мировым тенденциям. В 1962 году число новорожденных в России впервые опустилось ниже 2,5 млн., а в 1965 году – ниже 2 млн. Минимальное число рождений – 1,2 млн. было зафиксировано в 1999 году. В 2000-2001 гг. кривая рождений снова поползла вверх, но демографы считают, что прирост не будет значительным и что коэффициент суммарной рождаемости едва превысит 1,4 – 1,5 ребёнка на одну женщину. Этот прогноз опирается, в частности, и на опыт других стран, где рождаемость проделала тот же путь, по которому сейчас идет Россия. Зато многие другие социально-демографические показатели – детская смертность, количество аборт, состояние репродуктивного здоровья, охрана детей, сексуальное насилие, распространение ЗППП и ВИЧ-инфекции – действительно являются катастрофическими, некоторые – даже уникальными. И связано это не столько с экономическим положением нашей страны, сколько с ошибочной политикой государства в этой сфере.

2 вопрос. Сексуальный и гендерный символизм

Пол и сексуальность – неотъемлемая часть символической культуры человечества. Любая древняя мифология вращается вокруг идеи противоположности мужского и женского и их единства, взаимопроникновения. При этом мужчина чаще всего изображается носителем активного, социально-творческого начала, а женщина – как пассивно-природная сила.

Мужское (маскулинность) и женское (феминность) различаются у разных народов как по степени своей разработанности и значимости, так и по содержанию.

В древнекитайской мифологии женское начало Инь и мужское Ян – полярные космические силы, взаимодействие которых делает возможным бесконечное существование Вселенной. Слово «Инь», которое обычно называется первым, символизирует тьму, холод, влажность, мягкость, пассивность, податливость, а «Ян» – свет, сухость, твердость, активность. Соединение мужчины с женщиной напоминает космический брак Неба с Землей во время грозы, облака – яйцеклетки земли, а дождь – оплодотворяющая её небесная сперма. Луна, земля и вода во многих мифологиях трактуются как женское начало, а солнце, огонь и тепло – как мужское.

Если в японской мифологии всячески подчеркивается мужское лидерство, а женское начало считается подчиненным и второсортным, то в тибетском тантризме оба начала выглядят взаимодополняющими энергетическими принципами. Хотя женское начало (абсолютная интуиция) подчинено мужскому, друг без друга они бессильны. Женщина не может встать на «путь Будды», для этого ей пришлось переродиться в мужчину. Однако и мужчина не может достичь совершенства, не реализовав заложенной в нем женской природы. Женщина как активно-творческое начало представлена в многочисленных материнских культах, образах индуистской богини Кали, древнеегипетской Изиды и др.

Наряду с различием и противоположностью полов в мифологическом сознании широко представлена *идея андрогинии*, двуполости, совмещения мужского и женского начал в одном лице (сын Гермеса и Афродиты – Гермафродит, мать и отец других богов в древнеиндийском пантеоне – корова-бык Адити, древнеегипетский бог Ра, совокупившийся сам с собой и др.). Андрогинные божества нередко изображались с двойным набором половых признаков – Шива в Индии, бородатая Афродита. Во многих мифологиях двуполоыми считались предки первых людей, что подчеркивало их единство и цельность.

Особое место в сексуальном символизме занимают половые органы. Они представлены в самых разнообразных религиозных и иных мифопоэтических символах. Крест во многих культурах означает плодородие, активное мужское начало и непосредственно соотносится с фаллосом. Такова, например, древнеегипетская эмблема рождения и жизни – «анх». Сочетание креста с кругом – соединение мужского и женского начал. Свастика, в которой концы креста развернуты влево, обозначала женское, а вправо – мужское начало. Треугольник вершиной вниз обозначает женское, а вершиной вверх – мужское начало.

Еще богаче словесные обозначения сексуальной культуры. Например, в английском языке насчитывается 1000 слов для обозначения мужского полового члена, 1200 – влагалища и 800 – полового акта. В русском языке для обозначения пениса существует свыше 600 слов. Анализ этих слов и словосочетаний показывает, что наряду с культурно-специфическими в них представлены некоторые универсальные, общие для всех народов и языков значения. Отчасти за этим стоит анатомия: половой член и мужское начало вообще ассоциируются с удлиненными, твердыми предметами, а влагалище и женское начало – с круглыми, овальными или вогнутыми. Но эти знаки и символы имеют не только анатомо-физиологический смысл. Половой акт выступает как прообраз всякой деятельности, значение которой передается глаголом «делать» и которая предполагает наличие таких моментов, как активность, воля, могущество, власть, склонность, желание, удовольствие, инстинкт. Древнегреческое слово «эрос» обозначало не только любовь, но и космогоническую силу, соединяющую первоначальные элементы мира. *Отожествление космической энергии с актом оплодотворения универсально.*

Семантика мужских и женских гениталий обычно соотносится с разделением функций в половом акте: мужское начало – активное, субъектное, инструмент, средство деятельности, орудие; женское начало – пассивное, пустота, впадина, естественное отверстие, ограниченная часть пространства. При этом мужские органы символизируют не столько детородное начало, сколько силу, могущество, власть, общее одухотворяющее начало. Особое значение приписывается размерам полового члена, выступающего как обобщенный символ маскулинности знак социального статуса. Например, в наскальных изображениях каменного века мужчины более высокого социального ранга наделялись более длинными

членами. Поэтому, даже сегодня, закрывая половые органы, мужчины часто стараются подчеркнуть их размеры; это проявляется и в одежде и в разговорах на эту тему.

Древний человек наделял эрегированный член особой охранительной и отпугивающей силой. Почти у всех народов был распространен **фаллический культ**. Фалл – это символическое изображение эрегированного члена. Например, в Древнем Риме, по свидетельству Плиния, маленькие дети носили на шее фаллические амулеты как средство защиты от зла. Греко-римский бог плодородия Приап изображался в виде фаллоса (отсюда термин «приапизм» - ненормально длительная и болезненная эрекция, не связанная с эротическим желанием). В Скандинавии фаллические статуи ставили рядом с христианскими церквями вплоть до XII века. Множество фаллических изображений можно увидеть в Центральной Азии.

Отрезанный пенис поверженного врага многие народы считали почетным воинским трофеем, как индейцы скальп. Египетский фараон XIX династии, рассказывая о поражении, которое он нанес ливийцам, перечисляет в числе трофеев 6359 «необрезанных членов» ливийских воинов, а также сыновей и братьев их вождей и жрецов.

Вид эрегированного члена, по верованиям многих народов, должен внушать окружающим страх и почтение. С этим, возможно, отчасти связан обычай прикрывать наготу. При некоторых священных обрядах гениталии, наоборот, обнажались. Например, в Древнем Израиле мужчина, принося клятву, должен был положить руку на свои гениталии или гениталии того, кому он клялся. Старый Авраам, требуя клятвы от своего управляющего, говорит ему: «...положи руку твою под стегно мое». «Стегно» (бедро) замещает здесь половые органы; позже они заменяется другими частями тела, например, коленями (обычай целовать колени или становиться на колени).

Мужское семя считалось воплощением и источником жизненной силы. Как гласит Каббала, в яичках «собрано все масло, достоинство и сила мужчины со всего тела». У многих народов кастраты считались не только биологически, но и социально неполноценными. Согласно Ветхому Завету, «у кого раздавлены ятра или отрезан детородный орган, тот не может войти в общество Господне». Оскопить мужчину значило лишить его символа власти и жизни. Когда клирики одного нормандского епископства осмелились избрать епископа без разрешения герцога Джоффри Плантагенета (отца будущего короля Англии Генриха II), тот распорядился всех их, включая избранного ими кандидата, кастрировать, а отрезанные яички принести ему. Тем самым он не только унизил и жестоко наказал ослушников, но и сделал состоявшиеся выборы недействительными.

Поскольку семя наделяется магическими свойствами, первобытное сознание весьма чувствительно к его потере. Это мотивируется отчасти страхом потерять свою «жизненную силу», а отчасти боязни колдовства: если в семени содержится «весь человек», то враг, овладевший семенем, может заколдовать его. Отсюда табуирование мастурбации. Общеизвестна библейская история об Онане, умерщвленном Богом за то, что он изливал свое семя на землю. Хотя преступление Онана заключалось не в растрате семени, а в том, что он ослушался повеления Бога жениться на вдове своего брата, слово «онанизм» стало синонимом самостимуляции. Запреты мастурбации характерны не только для иудаизма, но и для христианства, ислама и конфуцианства.

Женские половые органы (в качестве их обобщенного названия иногда используется латинское слово *cunius* или древнеиндийское «*йони*»), буквально – источник) обычно символизируют не только плодородие, но темное начало, таящее для мужчины опасность и угрозу смерти. У некоторых народов, например, существуют легенды о живущих во влагище змеях. Такие представления отражают противоречивое представления о женских гениталиях: материнское лоно, как источник жизни, теплое и надежное убежище, и одновременно – сексуальный объект, проникновение в который сопряжено с преодолением трудностей и таит в себе опасность. Демонстративное обнажение женских половых органов всюду считается крайне оскорбительным и вызывающим действием, а иногда рассматривается как угроза и проклятие.

Историки и фольклористы (В.Я. Пропп, О.М. Фрейденберг, М.М. Бахтин и др.) обратили внимание, что и в фольклоре, и в древних ритуалах существует тесная **связь между сексуальностью и смехом**. Смех часто выступает как жизнедатель, очистительное, животворящее начало, противоположное смерти. Этим он аналогичен сексуальности. По мнению О.М. Фрейденберга, ассоциативная связь между оплодотворением, сексуальностью, праздником и смехом со временем распространилась с секса на сами гениталии, а также «срамные» слова и действия. Что смешного в детородных органах или заменяющих их словах, например, кукише? Однако их показ обычно вызывает смех. В древности существовал целый

ряд праздников, участники которых, чтобы вызвать смех, показывали друг другу «срамные» вещи и говорили скабрёзности. В Средние века во время пасхальной службы священник специально смешил прихожан непристойностями, вызывая у них очистительный, «пасхальный» смех. Органистические элементы были свойственны и средневековому карнавалу.

Интересен вопрос о связи сексуальности с едой. Мифологическое сознание связывает эти действия столь тесно, что во многих африканских языках значения «вкушать» и «совокупляться» передаются одним и тем же словом. Испанское слово «leche» обозначает и семя, и молоко. Много пищевых эвфемизмов обозначают половой член – «банан», «фига», «сосиска», «мясо», мастурбацию называют «доением» и т.п.

По словам О.М. Фрейденберга, еда в представлении первобытного общества сливается с актами рождения и смерти. В свою очередь, акты еды-смерти-производительности неразрывными узами связаны с окружающей природой. Когда все это приобретает сакральное (священное) значение (например, съедание тела предка или божества), возникают специальные обряды совместной еды и питья для установления особенно близких отношений: с кем разделили пищу, тому нельзя причинить вред (древние обычаи гостеприимства и побратимства). Если такая связь воспринимается как родственная, то во избежание инцеста (кровосмешения) её дополняет пищевая экзогамия – правило несовместимости пищевого общения с сексуальным: с кем вместе едят, на тех не женятся, а на ком женятся, с теми вместе не едят, во всяком случае, публично.

Для истории сексуального символизма очень важно изучение **языка ругательств и оскорблений – инвективной лексики.** Многие из этих выражений очень древние. Поскольку сила оскорбления прямо пропорциональна силе нарушаемого запрета, выбирают самые «больные» места. В национальных культурах, где особенно высок статус родственных отношений по материнской линии, большую роль могут играть сексуальные оскорбления матери («мат»); в культурах, особенное внимание обращающих на сексуальную жизнь общества, место наиболее грубых инвектив принадлежит сочетаниям с коитальным смыслом, необязательно обращенным на мать или других родственников оскорбляемого (например, англоязычные культуры).

Основные блоки инвективной лексики.

1. Упоминание женских гениталий, отправление ругаемого в зону рождающих, производительных органов, в телесную могилу (или в телесную преисподнюю) – «пошел ты...» - не что иное, как пожелание смерти (женское лоно – символ смерти).

2. Намек на то, что некто обладал матерью ругаемого («...твою мать»). Интерпретация «матерных» выражений, встречающихся в русском, венгерском, румынском, новогреческом, китайском, суахили и многих других языках, неоднозначна. Иногда подразумеваемым субъектом действия является сам говорящий, который как бы утверждает «я твой отец» или «я мог бы быть твоим отцом», зачисляя ругаемого в низшую социально-возрастную категорию. Одно китайское ругательство буквально значит «Ты – мой сын». В русском языке первое лицо единственного числа в этом контексте употребляется крайне редко; часто «матерные» обороты используются не только для описания прошлого события, но и в повелительном наклонении и в инфинитиве. Поэтому вместо значения «я обладал твоей матерью» предложено объяснение, которое дал еще в XVI веке барон С. Герберштейн: субъектом «срамного» действия является пес. Ругательство связывается, таким образом, с распространенными во многих языках выражениями типа «сукин сын»; поскольку собака в XVI веке считалась нечистым животным, оскорбление было очень сильным.

Матерная брань уже в Древней Руси считалась кощунственной, оскорбляющей Матерь Божию, мать сыру землю и собственную мать ругающегося. Но сами эти выражения имеют древние языческие сакральные истоки. По наблюдениям русских этнографов, сквернословие в обращении вызывало обиду, если только произносилось серьезным тоном, с намерением оскорбить, в шуточных же мужских разговорах оно дружит дружеским приветствием или просто «приправой».

3. Обвинения в кровосмешении, широко представленные в английских ругательствах. Если в русских ругательствах фигурирует «твой мать», то английское слово «mother-fucker» - намек на то, что ругаемый обладал собственной матерью.

4. Обороты речи с упоминанием мужских гениталий («пошел ты...») помещают ругаемого в женскую сексуальную позицию (подчиняемую, лишённую власти и статуса). Точный смысл таких выражений, как правило, не осознается, и сами они не имеют эротической окраски, обозначая, главным образом, статусно-иерархические отношения или притязания.

3 вопрос. Сексуальные обряды и обычаи

Один из традиционных сюжетов этнографии – обряды и ритуалы, посредством которых общество оформляет наступление половой и социальной зрелости подростков и которые часто включают хирургические операции на половых органах.

Мужские инициации. У одних народов мальчика подвергают *обрезанию* (удаление крайней плоти), у других – *субинцизии* (подрезанию, когда вскрывается нижняя стенка уретры, в результате чего мужчины уже не могут мочиться стоя и желают это сидя, как женщины), у третьих (в Полинезии) – *суперинцизии* (надрезание верхней части крайней плоти, без полного её удаления).

С точки зрения медицины эти операции понятны по гигиеническим соображениям, хотя для субинцизии такое объяснение вряд ли приемлемо. С точки зрения психологии подобные мучительные операции, которые мальчик должен вынести с достоинством, проверяют и укрепляют его мужество. Но почему такие операции проводятся именно на гениталиях? Понять это вне системы культуры невозможно.

Во всем мире обрезанными являются примерно 25% мужчин. У евреев и мусульман мальчиков обрезают вскоре после рождения, это обязательная часть религиозного ритуала. У некоторых народов Африки обрезанию подвергаются мальчики-подростки, это элемент пубертатных ритуалов. В США это делают просто из гигиенических соображений.

Проблема обрезания имеет религиозно-эстетические и искусствоведческие аспекты. Христос, как все еврейские мальчики, подвергся ритуальному обрезанию. В некоторых католических храмах ранят кусочки его якобы крайней плоти. Обрезание Христа – один из священных религиозных сюжетов, который изображали многие великие художники (Содома, Тинторетто, Рембрандт и др.). В то же время обрезание – специфический признак иудаизма, от которого христиане всячески отрекались, в прямом и переносном смысле слова. Поэтому хотя на картинах XV века младенец обычно представлен нагим, с тщательно выписанным пенисом, он никогда не изображался обрезанным. Эта стеснительность распространялась и на библейских персонажей. Например, «Давид» Микеланджело изваян необрезанным, хотя художник прекрасно знал, что этого не могло быть. В антисемитской литературе из акта обрезания часто выводили «женственность» мужчин-евреев в противоположность «мужественным» арийцам.

Инициация означает, что мальчик становится мужчиной, отсюда повышенное внимание к его мужскому естеству.

- Одни ученые связывают генитальные операции с психическим развитием индивида. Например, З. Фрейд считал обрезание символической заменой кастрации, направленной на предотвращение инцеста с матерью и сохранение сексуальных прав отца. М. Мид видит в обрезании средство психологического высвобождения мальчика из-под влияния матери, символический водораздел между детством, когда ребенок находится во власти женщин, и взрослостью, когда он вступает в мир мужчин.

- Другие антропологи объясняют мужские инициации необходимостью утверждения особого мужского статуса и поддержания групповой солидарности мужчин в противовес женскому началу. Недаром эти ритуалы особенно распространены в тех обществах, где происхождение определяется по отцовской линии, и существуют замкнутые мужские союзы и тайные сообщества. Суровые обряды инициации мальчиков-подростков служат своего рода противовесом детской идентификации с противоположным полом. Удаляя крайнюю плоть, которая символически рассматривается как женский рудимент (так же как клитор считается мужским элементом), взрослые мужчины спасают мальчика от гендерной неопределенности, и в этом смысле именно они, а не мать, делают его мужчиной.

Женские инициации встречаются гораздо реже мужских. М. Мид считает, что женщина не нуждается в искусственном социокультурном расчленении своего жизненного цикла, так как у неё есть для этого естественные биологические рубежи (начало менструации, потеря девственности, рождение первого ребёнка). Однако редкость женских инициаций можно связать и социальной зависимостью женщины, развитию которых мужская культура уделяет меньше внимания.

У некоторых народов ритуал инициации девочек также включает в себя весьма болезненные генитальные операции, например, выскабливание стенок влагалища до появления крови, хирургическое расширение входа во влагалище или, наоборот, зашивание его, чтобы снова открыть перед вступлением в брак, ритуальное рассечение девственной плевы, удаление (*экцизия*) клитора или его части. Но у девочек такие операции проводятся значительно реже, чем у мальчиков. Может быть формирование мужчины требует больше усилий не только со стороны природы, но и со стороны общества?

Наряду с дифференциацией мужского и женского начала во многих обрядах представлена **тема андрогинии и перемены пола**. Например, у древних австралийцев инициация мальчика включала в

себя временное ритуальное превращение мальчика в женщину. У многих африканских народов (масаи, нанди, нуба и др.) посвящаемых переодевали в женскую одежду, а у южноафриканских народностей суто, наоборот, одевают в мужское платье иницируемых девочек. Распространенный обычай ритуальной наготы иницируемых мальчиков в течение периода их сегрегации от женщин часто интерпретируется как знак асексуальности посвящаемого, который прежде чем обрести определенный пол, проходит фазу обладания свойствами обоих полов. Символическая инверсия, переодевание мужчин в женскую одежду и обратно, характерна и для многих архаических праздников.

Неодинаково оценивают разные культуры **девственность**. Самые простые и примитивные общества не придают её особого значения. С повышением социального статуса женщин и усложнением иерархической системы общества девственность приобретает высокую социокультурную ценность, хотя с европейской точки зрения подчас это выглядит своеобразно. Например, в Полинезии, несмотря на достаточно свободные сексуальные нравы, девственность дочерей, особенно дочерей вождя, тщательно охраняют. Молодые мужчины рассматривают дефлорацию девушки как подвиг, эта «сексуальная кража» повышает не только сексуальную репутацию юноши, но и его социальный статус. Девственность – дар, присвоение которого, даже путем обмана или насилия, дает мужчине определенные привилегии, позволяя жениться на представительнице более знатного рода и тем самым повысить собственный статус. Сходные представления о «бесчестье», которое можно смыть кровью или «прикрыть» браком, существовали и у христианских, и у мусульманских народов.

Христианство придает девственности мистическую ценность. В образе Богородицы Мать и Дева сливаются воедино, разобщая, тем самым, материнство и сексуальность. Девственницы, особенно по монашескому обету, считались в Средние века Христовыми невестами. Обыденное сознание также приписывает девственности особую ценность. Недаром «право первой ночи» европейские историки считали не только социальной, но и сексуальной привилегией сеньора.

Однако дефлорация – сложная и не всегда приятная процедура. Многие народы считают её тягостной как для женщины, так и для мужчины. Более того, она считается опасной для мужчины, так как вместе с кровью в него может проникнуть злой дух. Поэтому в некоторых обществах её заменяют специальной хирургической операцией. У некоторых народов – тибетцев, японцев, жителей Кампучии, Индонезии, Филиппин и др. существовал обычай ритуальной дефлорации девушек жрецами, которые имеют больше возможностей избежать влияния злых духов. У некоторых других народов, прежде чем муж осуществит свои супружеские права, это публично делают все остальные мужчины деревни. Этнографы обычно это считают своеобразной формой выкупа, который жених платит своим товарищам по мужскому союзу. Таким образом, ритуальная дефлорация может быть и средством помощи жениху, «спасением» его от грозящей опасности, и сексуальной привилегией мужского братства, к которому принадлежит жених.

4 вопрос. Сексуальные культуры и нормы сексуального поведения

Самый общий принцип классификации **сексуальных культур** – разделение их на *антисексуальные* (репрессивные) и *просексуальные* (пермиссивные, т.е. терпимые).

Яркий пример репрессивной антисексуальной морали – средневековое христианство, отождествлявшее сексуальность с грехом. Там, где такая установка реализуется наиболее последовательно и сегодня, половая жизнь обычно ограничивается браком, которые заключают старшие без учета личных предпочтений жениха и невесты. Существует жесткая сегрегация мужчин и женщин в общественной жизни и в быту. Всякие разговоры на эротические темы, включая сексуальный юмор, запрещены или осуждаются. Даже в браке половые отношения регламентируются.

Примером просексуальной культуры могут служить народы Полинезии. Сексуальность и эротизм здесь открыто поощряются, а идеал красоты откровенно эротичен. Сексуальные проблемы свободно обсуждаются, выражаются в песнях и танцах. Проявление чувственности у подростков и юношей считается нормальным и здоровым. Большое значение придается сексуальному удовлетворению в браке, допускаются и внебрачные связи.

Большинство человеческих сообществ расположено между этими двумя крайностями, причем их отношение к сексуальности зависит от общих свойств их образа жизни и культуры.

Культура не просто запрещает или разрешает те или иные проявления сексуальности. **Она определяет их социальную, этическую и эстетическую ценность.** Однако одни культуры подчеркивают преимущественно *инструментальные ценности*, видя в сексуальности главным образом средство продолжения рода или удовлетворения иных потребностей, другие же усматривают в ней *самоценное аф-*

фективное начало, выражение чувств и эмоций. В обществах первого типа сексуальность обычно подвергается более жесткому социальному контролю и регламентации.

Культура определяет «эротический код», ритуал ухаживания и сексуальную технику. Хотя эрогенные зоны детерминированы физиологически, разные народы придают им неодинаковую ценность. У большинства народов женская грудь является важным эротическим объектом. А полинезийцы-мангаи к ней равнодушны, полагая, что она может интересовать только голодного младенца.

Чрезвычайно разнообразны ритуалы ухаживания и сама техника полового акта. В одних обществах принято, чтобы женщина лежала на спине, а мужчина – сверху, в других – чтобы женщина была сверху, в третьих – чтобы оба лежали на боку и др. Нормальный для европейцев половой акт лицом к лицу некоторым неевропейским народом кажется в высшей степени неудобным и неприличным, у них принята интромиссия сзади, как у животных. Европейцы XIX века, верившие в асексуальность женщины, требовали, чтобы она была неподвижна, оставляя всю активность на долю мужчины. Напротив, по представлениям мангаи, женщина, как и мужчина, должна все время двигаться.

Еще сильнее варьирует в разных обществах эмоциональная окрашенность сексуальных отношений, которые могут быть как любовно-нежными, так и агрессивно-враждебными. Например, в племени гусии юго-западной Кении половой акт между супругами мыслится как насильственное действие, в ходе которого мужчина должен преодолеть яростное сопротивление женщины, причиняя ей физическую боль и унижение. Женщин учат сексуально раздражать и дразнить мужчин, а последние получают максимум удовлетворения, когда женщины протестуют и плачут. Такой тип сексуальности формируется уже в детстве, когда у девочек всякие явные проявления сексуальности наказываются, а у мальчиков – то поощряются, то наказываются. Когда мальчики-подростки гусии после обрезания находятся в уединенном месте, туда приводят девочек-подростков, которые обнаженными танцуют эротические танцы, вызывающие у мальчиков эрекции и боль в травмированных членах, и насмеваются над их страданиями. Неудивительно, что брак у этого народа сильно напоминает узаконенное изнасилование.

Чем сложнее культура, тем многообразнее её нормативные установки. Например, везде, где существует институт брака, проводится социальное и психологическое различие между брачной, добрачной и внебрачной половой жизнью, причем соответствующие нормы тесно связаны с другими элементами социальной системы и культуры. Так, **нормы добрачного сексуального поведения** народов мира связаны:

- с правилами, регулирующими происхождение и местожителство;
- с особенностями экономической жизни общества (уровень его производительных сил);
- с размерами общины;
- с религиозными верованиями;
- с наличием или отсутствием какого-либо обмена имуществом при заключении брака;
- с дифференцированной оценкой мальчиков и девочек;
- с мерой участия женщин в производительном труде;
- с классовой структурой общества;
- с особенностями гендерной социализации и с отношением культуры к материнству и деторождению.

Сравнительно простые общества обычно склонны к большей терпимости, а более сложные – к нормативному ограничению добрачных связей. Социально-культурные запреты дифференцируют права и обязанности разных категорий людей, не придавая никакого значения их индивидуальности, которая первоначально осознается и проявляется именно как нарушение этих правил и самой этой категоризации. Поэтому исследователи полагают, что *нормативную культуру следует изучать конкретно, учитывая, кем, кому, что, с кем, насколько и почему запрещено.*

Самый древний и универсальный запрет, налагаемый культурной на сексуальность, - **экзогамия**, запрещение браков и вообще сексуальных связей между членами одной и той же родственной группы. Происхождение экзогамии остается до сих пор спорной проблемой. Наиболее распространенными являются генетическая (вред близкородственных браков для потомства) и психологическая (у людей, живущих в тесной близости с детства, обычно не возникает сексуального интереса друг к другу) теории.

Почти все нормы сексуального поведения предполагают гендерные различия. Запреты, касающиеся мужчин, могут не распространяться на женщин, и наоборот. Почти во всех обществах существует так называемый **двойной стандарт** – разные нормы сексуального поведения для мужчин и женщин, предусматривающие гораздо более строгие ограничения женской сексуальности (добрачные связи, су-

пужеская неверность и т.п.), нежели мужской. В отношении добрых и внебрачных связей половая мораль более снисходительна к мужчинам. Добрые связи разрешаются мужчинам практически во всех «терпимых» обществах, в остальных на это смотрят сквозь пальцы. Женщинам же подобное поведение разрешается лишь в 50% бесписьменных обществах, и практически ни в одном цивилизованном обществе. Аналогичная ситуация и с внебрачными связями. Причем для женщин правила и нормы становятся еще более жесткими.

Практически во всех культурах существует **культ мужской сексуальности**. Мужские божества и герои часто наделяются не только внушительными половыми органами, но и исключительными детородными и сексуальными способностями. Индийский бог Кришна, согласно традиции, имел 16108 жен, каждая из которых родила ему по 10 сыновей и по 1 дочери. Один из персонажей «Тысячи и одной ночи» за одну ночь овладел 40 женщинами, по 30 раз каждой. Женская же сексуальность описывается гораздо сдержаннее, вплоть до асексуальности, равнодушия и даже отвращения к половой жизни.

Очень велики *и социально-возрастные градации*: некоторые поступки, позволительные взрослым, запрещаются подросткам или детям. Бывает и обратное. Многие общества, осуждая или высмеивая мастурбацию взрослых, считают её допустимой для детей и подростков.

Запрещение тех или иных поступков не всегда совпадает с запрещением говорить о них (**табу слов**). При этом *словесные запреты всегда соотношены с определенным контекстом*. Например, в нашем обществе не принято, чтобы дети и родители обсуждали друг с другом свои сексуальные проблемы, но со сверстниками это вполне допустимо. В феодальном обществе нормы стыдливости *имели сословный характер*. Приятельница Вольтера маркиза дю Шатле, как ни в чем не бывало, принимала ванну в присутствии и с помощью молодого лакея; как мужчины он для неё просто не существовал, а его чувства тем более.

Варьирует *степень строгости запретов*. Если инцест запрещен категорически, то отношение к внебрачным связям всегда было двойственным. Хотя официально иметь любовниц запрещалось, неофициально это считалось подтверждением маскулинности.

У многих народов существуют многочисленные **хозяйственные и сезонные запреты**, связанные с определенными фазами общественной жизни племени или индивидуального жизненного цикла. Например, охотничьи табу, известные у многих народов Америки, Европы, Африки и Азии, запрещают половые сношения в период подготовки и проведения охоты. Отчасти эти запреты – результат осознания того, что сексуальная активность ослабляет мужчину; это вынуждает в ситуациях, требующих максимального напряжения физических или духовных сил, прибегать к временному половому воздержанию.

Символический смысл сезонных запретов хорошо виден в так называемых **репродуктивных табу**, регулирующих взаимоотношения полов в период беременности, менструации и после родов. По подсчетам американских этнографов Пейдж, 63% обследованных ими культур запрещают половые сношения в период беременности, 73% - в период менструации, 93% - в послеродовой период. Поскольку эти запреты, иногда весьма длительные, адресованы мужчинам и обосновываются их опасностью их «осквернения» и «загрязнения», их часто считают мизогинными, принижающими женщин. Однако, если вдуматься, эти табу, особенно послеродовые, охраняют здоровье матери и ребёнка. В трудных условиях первобытного общества, например, у африканских бушменов, кормление ребёнка грудью продолжается 2-3 года, а то и дольше. Новая беременность в это время нежелательна, бушмены практиковали даже детоубийство, убивая новорожденного, если предыдущий ребёнок еще не начал ходить. Запрещение половой жизни, в каких бы терминах оно не формулировалось, объективно служит средством регулирования рождаемости и сохранения потомства. *С помощью запретов культура пытается восполнить утраченные человеком сезонные биологические регуляторы сексуальной активности*.